

КАНТ И КОНСТИТУЦИЯ РФ¹

В. Н. Белов*

Подвергается критике попытка, что называется, сделать ответственным за Конституцию РФ И. Канта. На самом деле требуется серьезная доработка статей Конституции для того, чтобы они, действительно, стали отвечать духу и букве кантовских идей в отношении государственно-правового устройства. Обращается внимание на необходимость более внимательного учета двух положений кантовской философии: взаимодополнительности морали и права и защите традиционных семейных ценностей.

Юридическим дискуссиям о сущности конституционализма, верховенстве права, правовом государстве явно не хватает философской глубины, обращения к истокам данных феноменов. Без философского осмысления феномена права юристам невозможно будет ни понять «идеализм» Канта, ни прояснить связь этого идеализма с правовой практикой.

Предложено рассмотреть две стратегии, отвечающие кантовскому духу правового государства в современных российских условиях: принцип воспитания моральной личности (а не компетентной) и принцип народосохранения.

В качестве обязательных условий действительности конституционных норм и положений указывается на необходимость укрепления морального и общекультурного уровня, чему немало могли бы способствовать образцы морального поведения со стороны власти и изменения в образовательной политике.

Поэтому сейчас важнее не правовая реформа, а моральное состояние общества, тот моральный климат и моральные императивы общественного сознания, которые в современном мире оказывают серьезное влияние и на формирование морали личности. Другой важной государственной стратегией представляется ориентация на воспитание самодостаточной и моральной личности, то есть гуманитаризация, а не юридикация образования.

Ключевые слова: Кант, Конституция РФ, мораль, право, конституционализм, государство, образование, семья, культура.

В 2009 году в Сенатском зале здания Конституционного суда РФ прошло заседание московско-петербургского философского клуба, по результатам которого

* Философский факультет Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, 410000, г. Саратов, ул. Вольская, 10, 12 корпус.

Поступила в редакцию: 05.05.2014 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2014-3-4

© Белов В. Н., 2014

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ, проект № 13-03-00042а.

в 2010 году вышел сборник статей «Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики». В этом сборнике опубликованы статьи академиков РАН А. А. Гусейнова, В. А. Лекторского, В. С. Степина, судей Конституционного суда РФ В. Д. Зорькина, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, В. Г. Ярославцева и других авторов.

А. А. Гусейнов так определил главную проблему состоявшейся дискуссии и ее основной пафос: «Конституция: в какой мере она — идеал, проект, а в какой мере — закон прямого действия, как в ней базовые принципы соотносятся с более конкретными нормами» (Гусейнов, 2010, с. 13).

Следует сразу отметить очевидное различие в настрое ученых философов и юристов, производящих оценку действующей Конституции РФ 1993 года. Если философы главным образом отмечали очевидный разрыв между статьями Конституции и реальной жизнью российского общества, указывали на политически ангажированные смыслы этих статей, то юристы прежде всего судьи Конституционного суда в основном утверждали своевременность и высокую ценность настоящей Конституции, определенные недостатки которой разрешимы в рабочем порядке. Каковы же главные аргументы «за» и «против» Конституции?

В ряде выступлений философов звучала мысль о необходимости Конституции не просто как правового документа, но и его гарантии со стороны всего общества, а не только одного лица, пусть и высшего, о реальном разделении властей, политической конкуренции, то есть указывалось на отсутствие в России гражданского общества как индикатора современного гражданского состояния, без которого реальное правовое состояние немислимо. В то же время юристы делали ставку на необходимость разработки идей правового государства, конституционализма и т. п. Таким образом, из материалов данной дискуссии создавалось впечатление, что философы больше озабочены характером реальной практики для того, чтобы в своих теоретических размышлениях не отрываться от нее, а юристы — теоретическим оправданием того, что на данный момент есть.

Так, В. С. Степин подчеркнул важную роль в формировании правового общества такого инструмента как образцы правового поведения и деятельности. Без конкретных примеров такого поведения со стороны власти любые правильные конституционные нормы останутся призывами, гласом вопиющего в пустыне. Кроме того, для воспитания правового сознания, по мнению отечественного философа, необходимо учитывать три фактора: традиции, современные экономические условия развития страны и международную ситуацию (Степин, 2010, с. 18–27).

Определенную квинтэссенцию позиции ученых и практиков юристов в состоявшейся дискуссии выразил судья Конституционного суда, профессор Н. С. Бондарь. Он обратился к характеристике такого популярного термина современной юридической науки как конституционализм и попытался представить его как философско-правовую категорию. Однако при всем мировоззренческом и сверхъюрисдикционном пафосе автора основная мировоззренческая дилемма конституционализма сводится к проблеме соотношения Конституции с правом, с одной стороны, и Конституции с законом — с другой. Синтезом тогда, по убеждению Бондаря, оказалась бы идея правового закона, а механизмом согласования этих начал — Конституционный суд РФ. Причем прибегает он и к такому теологическому аргументу, как троичность философско-экзистенциальной основы конститу-

ционализма, а именно: собственность — власть — свобода. Задача же ему видится в их юридизации, что составляет основу политической и социально-экономической жизни страны (Бондарь, 2010, с. 46—67).

Справедливости ради, следует указать и на то, что от юристов прозвучали и опасения недооценки роли практического воплощения конституционных норм в жизни страны. В частности, председатель Конституционного суда В.Д. Зорькин отмечает нарушение меры свободы, а В.И. Крусс — такую негативную тенденцию, как злоупотребление правом.

Наверное, чтобы придать еще большую легитимность термину конституционализм, с одной стороны, и продемонстрировать философскую, а значит глубокую, суть содержания самой Конституции, то есть вписать ее статьи в разряд принадлежащих прогрессивной традиции европейской мысли — с другой, один из авторов и составителей рассмотренного нами сборника П.Д. Баренбойм статью в другом издании озаглавил «Кант как отец Конституции РФ» (Баренбойм, 2009, с. 5—9).

Хотелось бы более внимательно посмотреть, насколько действительно идеи философа воплощены в тексте Основного закона и в реальной жизни этого Закона и оправдать Канта перед нашей Конституцией. Представляется, что аргументы философов, высказанные в ходе рассмотренной дискуссии, имеют больше оснований в позиции Канта, и Конституция РФ ни по букве, ни по духу кантовской быть названа (поставим осторожно в скобочках пока) не может.

В первую очередь о «духе» кантовской правовой концепции хотелось бы сказать, что это пафос автономной личности, способной и могущей быть «господином самой себя», осознающей свои права и активно их отстаивающей. Со стороны государства — это доверие личности, не специалисту, эксперту, профессионалу, а именно личности как таковой. Поэтому в данном аспекте возрастает роль воспитания личности прежде всего, а потом уже профессионала. У нас же сейчас, напротив, в образовательной сфере возобладала тенденция не к формированию личностных качеств, а к натаскиванию на компетенции.

Вполне соглашусь с мнением Зорькина о том, что без философского осмысления феномена права юристам невозможно будет ни понять «идеализм» Канта, ни прояснить связь этого идеализма с правовой практикой.

Может ли конституционализм стать кантовским правовым идеализмом, может ли Конституционный суд стать третейским судом между правом и законом? Да, если в первом случае мы определим этот идеализм через правовую практику, а во втором, наоборот, правовой практике придадим больший идеализм. Другими словами, если в рамках конституционализма мы проведем необходимую корреляцию права и морали, проясним феномен правосознания, а также проверим Конституционный суд на соответствие его возможности стать совестью гражданского общества, то есть способности принимать решения так, как если бы идеал гражданского общества был реализован в полном объеме уже сейчас.

Каковы же главные аргументы «за» связь идей Канта и Конституции РФ:

1. Кант — основоположник концепции «правового государства», базовые принципы которого и легли в основание текста нашей Конституции. Однако более существенным оказывается то, что основной акцент в этом тексте переносится на характер взаимосвязи не морали и права, а права и государства. При этом важнейшим тезисом такой концепции становится

следующий: Кант сводит деятельность государства к правовому обеспечению индивидуальной свободы. Вроде бы все верно, однако все-таки — это облегчение, упрощение и в итоге извращение кантовской мысли. На самом деле она гораздо шире и собственно включает всю полноту взаимосвязи понятий «конституция», «право», «государство», «разум», «мораль». В нашей же Конституции утверждена та идея, что государство является гарантом провозглашенных прав человека под девизом: все, что не запрещено, — разрешено. Поэтому и получается, что разрешенным оказывается слишком многое. Поэтому и выходит, что вместо утверждения человека, который есть «господин сам себе», в Конституции мы находим только декларацию прав некоего абстрактного существа и государство в лице президента как гаранта этих самых прав.

Не совсем выверены и усилия юристов: дискуссия о преимуществе терминов «верховенство права» или «правовое государство» переводит спор в плоскость проблем суверенности государства. Нет сомнения, все это важные проблемы, но в юридических дискуссиях совершенно упускаются вопросы первоначальных истоков этой суверенности, и главный акцент переносится на значение правящей (президентской) власти.

В таком аспекте укрепления президентских гарантий Конституции РФ как одном из оснований развития концепции «правового государства» апологетами конституционализма заводится речь о второстепенности принципа разделения властей, важнее оказывается сосредоточение на перманентной правовой реформе. Так, П.Д. Баренбойм заявляет:

В «Тезисах о правовой реформе в России» он [Зорькин] сформулировал важнейшее положение: непрерывную правовую реформу, каждодневно приводящую законодательство и правосознание в соответствие с конституционными целями и задачам, можно рассматривать в качестве неотъемлемой части российской доктрины правового государства (Баренбойм, 2011, с. 2–3).

У него же находим и другой сомнительный тезис:

Председатель Конституционного суда Болгарии Евгений Танчев высказал следующую мысль: доктрина правового государства, насыщенная конституционным содержанием, является в странах правовой континентальной системы более важной, чем доктрина разделения властей, значение которой возрастает по мере перехода рассмотрения с уровня национальных государств на общеевропейский наднациональный уровень (Баренбойм, 2011).

2. Конституционализм — это идеализм высшего порядка. И в тоже время утверждается, что нормы и идеи Конституции должны претворяться на практике. Таков фундаментальный смысл конституции. Но не таков ли замысел философских построений Канта, спрашивают апологеты данного аргумента: формализм, отвлеченный от какой-либо эмпирии идеализм, но привязанный и имеющий непосредственное отношение к реальной жизни.

Действительно разрыв между положениями Конституции РФ и российской действительностью настолько велик, что не замечать его невозможно. Так, авторитетный отечественный философ права В.С. Нерсисянц, отмечая несомненные достоинства Конституции 1993 года, вынужден указать и на объективные причины такого разрыва:

В целом конституционные положения о правах и свободах человека и гражданина и конституционная концепция правопонимания относятся к числу несомненных достоинств новой Конституции. Вместе с тем эти и многие другие положения Конституции существенно расходятся со складывающейся практикой в силу не только субъективных причин, но и такого фундаментального объективного фактора, как весьма невысокая степень социально-исторической развитости реально складывающихся в нашей постсоветской ситуации форм, норм и отношений экономики, права, политики, морали, нравственности (Нерсесянц, 1997, с. 381).

И затем еще раз повторяет эту свою мысль:

Отдавая должное всему тому ценному и позитивному, что связано с принятием новой Конституции и ее воздействием на происходящие в стране процессы, следует вместе с тем отметить и *заметный разрыв между Конституцией и реальной жизнью* (Нерсесянц, 1997, с. 381).

По поводу этого второго аргумента «за» следует заметить, что, во-первых, спорно само стремление представить конституцию идеалом высшего порядка. Логично предположить, что если конституция настолько оторвана от практики, что ее положения недоступны пониманию большинства народа, то необходимы толкователи, компетентные люди, специалисты.

Во-вторых, мы здесь наблюдаем попытку концепт «право» заменить концептом «конституция», и «конституционализм» подставить вместо «юридизма» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Апологетами кантовского характера нашей Конституции проводится мысль о том, что несмотря на идеалистический или идеальный ее характер, Конституция, тем не менее, должна регулировать и экономические отношения, работать на социальную справедливость. Но на каких принципах будет происходить это регулирование? Ведь, чем больше разрыв, тем сильнее возрастает роль правителя, узкого профессионального сообщества и тем серьезней сужается роль самого народа, то есть оправданной становятся именно патерналистские тенденции в экономической сфере.

Таким образом, можно выделить три области, где следует анализировать сопоставление кантовских идей и положений Конституции РФ:

1. *Государственная политика, государственная идеология.* Верховенство права может быть реализовано только в состоянии гражданского общества, только при соответствующем моральном и общекультурном уровне человека. Поэтому сейчас важнее не правовая реформа, а моральное состояние общества, тот моральный климат и моральные императивы общественного сознания, которые в современном мире оказывают серьезное влияние и на формирование морали личности: здесь обращает на себя внимание прежде всего момент моральности (неморальности) самой власти.

2. *Теоретические дискуссии.* Направление теоретических усилий не на прояснения понятия конституционализм, к которому следует применить «бритву Оккама», а совместные исследования философов, юристов, политологов продуктивного и до конца не исчерпавшего своего эвристического потенциала кантовского концепта «правового государства», то есть вернуть дискуссию из проблемного поля «государство-право», в область соотношения «мораль-право».

В рассматриваемом аспекте мне кажется весьма продуктивной попытка отечественного философа Э.Ю. Соловьёва, который в данном случае опирается на исследования весьма значительной группы современных немецких философов права и государства, таких как Г. Каульбах, В. Керстинг, Б. Брандт, П. Бург, Б. Людвиг, О. Хёффе, представить категорический императив Канта законом не только морали, но и права и говорить, таким образом, о необходимой соотносительности и глубокой внутренней корреляции у Кёнигсбергского философа морали и права. Соловьёв замечает:

Можно сказать, что у Канта мораль и право выступают как взаимопредполагающие и взаимозапрещающие друг друга: моральность индивида с самого начала имеет смысл правоспособности (полной внутренней приуроченности к ответственному отправлению гражданских свобод), право же (в той мере, в какой оно является «истинным», или, как предпочитал выражаться Кант, «строгим правом») означает прежде всего признание публичной властью нравственной самостоятельности подданных и отказ от патерналистской опеки над ними (Соловьёв, 2005, с. 352).

3. *Практические действия.* Воспитание самодостаточной и моральной личности, то есть гуманитаризация, а не юридизация образования. А что у нас происходит на самом деле с образованием?!

Если говорить о власти, то предложил бы две стратегии, отвечающие кантовскому духу правового государства в современных российских условиях: принцип воспитания моральной личности (а не компетентной) и принцип народосохранения (солженицынский тезис), который, быть может, требует своего прояснения в обозначенной здесь связи с Кантом.

В принципе народосохранения, на мой взгляд, воплощается интересная и часто уходящая на задний план идея Канта о семейном праве как вещно-личном («вещным образом личном праве»). При всей противоречивости и спорности предлагаемых в этом праве Кантом идей (а если вспомнить личный опыт Канта по этому вопросу!) все же следует согласиться с интересной трактовкой этой разновидности права А.К. Судаковым, который, в частности, замечает:

Неразделимое двуединство вещного и личного права в этой области правового разума означает, что последняя уже не есть область ни собственно вещного, ни собственно договорного права, так что, в частности, договор об этом праве хотя и возможен, но сам по себе не выступает нормой для правоотношения, то есть сам по себе ни к чему не обязывает договаривающиеся стороны: они связаны обязательством перед личностью другого, перед человечеством в своем лице и в лице другого, и их договор об этом «вещным образом личном праве» служит лишь сохранению и реализации в неущемленной полноте этой нравственной ценности человечности, а отнюдь не какому бы то ни было новоучреждаемому праву. Единство вещного и личного в том «праве человечности», о котором идет здесь речь, запрещает рассматривать акт учреждения этого права и как самовластный захват, и как договор. В этой области правоотношение зиждется не на силе, не на договоре, но непосредственно на моральном законе (Судаков, 2013, с. 10).

Закрепляя эту свою мысль, автор подчеркивает:

Вследствие такого своего систематического положения в кантовской философии права семейное право с особой наглядностью обнаруживает взаимосвязь морали и права, этики и положительного закона: предмет обладания есть здесь,

как предполагается, свободная личность в полноте ее нравственного человеческого достоинства. Постольку систематическое новшество Канта противостоит как чисто вещному, так и строго договорному толкованию семейного права (Судаков, 2013, с. 11).

И делает такой вывод из своего анализа кантовской концепции семейного права:

Личное по предмету и вещное по форме обладания право... соединяет в идее кантовского семейного права эти два момента в нечто, по существу превышающее обе односторонние области, утверждает его как область *права человечности в человеке* (Судаков, 2013, с. 12).

И в целом, как мне кажется, рассуждения Канта по вопросам семейного права приобретают сегодня необычайную актуальность ввиду различного рода попыток разрушить традиционную семью. На мой взгляд, именно через защиту традиционных семейных ценностей в нашей стране можно выходить и на понятную связь конституционных норм и принципов с историческими корнями, традицией как таковой.

Известный исследователь кантовской практической философии О. Хёффе выделяет два основных положения кантовской теории правового государства, связанных с его правовой концепцией:

- 1) право, основанное на морали (тесная взаимосвязь права и морали);
- 2) ответственность правителя, который в своем мировоззрении должен быть не политиком или другим частным специалистом, но философом, то есть владеть своим разумом в полном объеме.

Поэтому если говорить о каких-то конкретных предложениях по внесению изменений в нынешнюю Конституцию РФ, которые находились бы в полном соответствии с буквой и духом кантовского подхода к правовому государству, то, на мой взгляд, нужно сосредоточиться на двух темах этих изменений, которые должны быть более четко и объемно прописаны в тексте Конституции РФ:

- 1) тесная взаимосвязь права и морали;
- 2) защита традиционных семейных ценностей.

Как это сделать юридически правильно, то есть какие понятия задействовать и в какие статьи текста внести эти новые юридические положения — дело профессиональных юристов, но несомненно, что без таких положений считать идеи Канта реализованными в тексте Конституции РФ абсолютно несправедливо.

Список литературы

1. Баренбойм П.Д. Кант как отец Конституции России // Законодательство и экономика. 2009. № 9. С. 5–9.
2. Баренбойм П.Д. Концепция Зорькина — Танчева о соотношении современных доктрин верховенства права и правового государства // Там же. 2011. № 10. С. 2–19.
3. Бондарь Н.С. Философия российского конституционализма: в контексте теории и практики конституционного правосудия // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики. М., 2010. С. 46–69.
4. Гусейнов А.А. У философов и юристов много общих тем // Там же. С. 11–16.
5. Нерсесянц В.С. Философия права. М., 1997.

6. Соловьёв Э. Ю. Категорический императив нравственности и права. М., 2005.
7. Степин В. С. Ценность права и проблемы формирования правового общества в России // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики. М., 2010. С. 16–28.
8. Судаков А. К. Этико-философская антиномия оснований в кантовской теории семейного права // Кантовский сборник. 2013. № 2 (44). С. 7–19.
9. Хёффе О. Интервью «Шмитт – маргинален. Кант – актуален». URL: <http://www.russ.ru> (дата обращения: 05.06.2014).

Об авторе

Владимир Николаевич Белов – д-р филос. наук, проф. кафедры философии культуры и культурологи философского факультета Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, belovvn@rambler.ru

KANT AND THE CONSTITUTION OF RUSSIAN FEDERATION

V. N. Belov

This article is an attempt to give I. Kant "credit" for the Constitution of Russian Federation. Of course, the articles of Constitution require significant improvement so that they adhere to the letter and the spirit of Kant's ideas on state and law. The article stresses the need to take into account two provisions of Kant's philosophy: the complementarity of morals and law and support for traditional family values.

The legal discussions on the essence of constitutionalism, supremacy of law, and constitutional state lack philosophical depth and consideration of the sources of these phenomena. Without a philosophical interpretation of the phenomenon of law, lawyers will be able to neither understand Kant's "idealism", nor explain the connection between this idealism and legal practice.

The article presents two strategies corresponding to the spirit of Kant's constitutional state in the modern Russian conditions: the principle of developing a moral (rather than competent) personality and the principle of population preservation.

A necessary condition for the effectiveness of constitutional provisions is an increase in the moral and cultural level, which can be facilitated by examples of moral conduct shown by the authorities and changes in the educational policy.

Thus, at the moment, the moral state of society – the moral climate and imperatives of public consciousness that largely affect the formation of personal morality – seems to be more important than a legal reform. Another important public strategy is orientation towards developing a self-reliant and moral personality, i. e. humanitarisation rather than juridification of education.

Key words: Kant, Constitution of the Russian Federation, moral, law, constitutionalism, state, education, family, culture.

References

1. Barenbojm, P.D. 2009, Kant kak otez Konstituzii Rossii [Kant as father of the Constitution of Russia], *Zakonodatel'stvo i ekonomika* [The legislation and economics], Moscow, no. 9, pp. 5–9.
2. Barenbojm, P.D. 2011, Konzeptsija Sor'kina-Tancheva o sootnoshenii sovremennich doktrin verhovenstva prava i pravovogo gosudarstva [Conception of Zorkin-Tanchev about the correlation of modern doctrines of the leadership of right and of constitutional state], *Zakonodatel'stvo i ekonomika* [The legislation and economics], Moscow, no. 10, pp. 2–19.

3. Bondar', N.S. 2010, *Filosofija rossijskogo konstitucionalizma: v kontekste teorii i praktiki konstituzionnogo prava* [The philosophy of Russian constitutionalism: in context of theory and practice of constitutional right], *Filosofija prava v nachale XXI stoletija cherez prizmu konstitucionalizma i konstituzionnoj ekonomiki* [The philosophy of right at the beginning XXI century beyond measure of constitutionalism and constitutional economics], Moscow, pp. 46–69.
4. Gusejnov, A.A. 2010, U filosofov i juristov mnogo obshih tem [At philosophers and jurists a many general themes], *Filosofija prava v nachale XXI stoletija cherez prizmu konstitucionalizma i konstituzionnoj ekonomiki* [The philosophy of right at the beginning XXI century beyond measure of constitutionalism and constitutional economics], Moscow, pp. 11–16.
5. Nersesjanz, V.S. 1997. *Filosofija prava* [Philosophy of right], Moscow.
6. Solovjev, E. Ju. 2005. *Kategoricheskij imperativ nraostvennosti i prava* [Categorical imperative of morality and right], Moscow.
7. Stepin, V.S. 2010, Zennost' prava i problemi formirovanija pravovogo obshestva v Rossii [The value of right and the problems of forming of jural society in Russia], *Filosofija prava v nachale XXI stoletija cherez prizmu konstitucionalizma i konstituzionnoj ekonomiki* [The philosophy of right at the beginning XXI century beyond measure of constitutionalism and constitutional economics], Moscow, pp. 16–28.
8. Sudakov, A.K. 2013, Etiko-filosofskaja antinomija osnovanij v kantovskoj teorii semejnogo prava [The ethic-philosophical antinomy of bases in Kantian theory of family right], *Kantovskij sbornik*. No. 2(44). pp. 7–19.
9. Hoeffe, O. *Intervju "Shmitt – marginalen. Kant – aktualen"* [Interview "Shmitt – marginally, Kant – actually"], available at: <http://www.russ.ru> (accessed 5 June 2014).

About the author

Prof. Vladimir Belov, Department of Philosophy of Culture and Cultural Studies, Faculty of Philosophy, N.G. Chernyshevsky State University of Saratov, belovvn@rambler.ru